

— Но за мной никто не пришел, — уныло подумал он. — И теперь они хотят, чтобы я стал героем? — подумал он, глухо усмехнувшись и закрыв книгу. Когда он встал, намереваясь посмотреть, есть ли здесь что-нибудь, что он мог бы выпить, он заколебался и снова посмотрел на теперь закрытую книгу. — Никто не пришел за мной, но... Может быть, я смогу стать этим героем... для кого-то другого.

Может быть, для него было уже поздно, но если бы он мог что-то изменить для кого-то другого... Если бы он мог это сделать, что? Его родители гордились бы им? Его отец был мертв, а мать даже не хотела признавать его существование. Это было глупо.

И все же, теперь, когда эта идея пришла ему в голову, он не мог не продолжить обдумывать ее.

Кадзуки представил, что бы чувствовал он сам в молодости, если бы герой пришел, чтобы спасти его. Он представил себе маленьких детей там, в домах, где люди были хуже большинства злодеев, вдали от прожекторов, в которых жили герои.

— Хотя я мог их видеть, — подумал он, даже тогда все еще ощущая негативные эмоции окружающих его людей. Например, человек, который испытывал сильную ревность этажом ниже, или раздраженный человек через две двери слева от его квартиры.

Он брал то, это и многое другое из окружающего и черпал из них. Он чувствовал, как в нем собирается сила, наполняя его энергией. Он чувствовал, как она собирается в нем и кружится, стремясь вырваться наружу и что-то сделать. Тень от его руки на столе потемнела и стала шире. Затем из него появились тонкие фигурки, как будто какой-то монстр выходил из предмета мебели.

Затем из него вырос клюв, а затем и голова, вся черная, как беззвездная ночь. Вскоре за ней последовало тело и расправились крылья. Порождение тьмы каркнуло, повернув к нему свое белое, как кость, лицо в маске. Его красные глаза, окруженные черными склерами, приобрели тот же цвет, что и глазницы создания.

— Герой, да?

В ту ночь Кадзуки лег спать довольно поздно.

В конце концов, нужно было изучать книги.

[}-o-{}]

— Как ты думаешь, ты готов к экзамену? — спросил его новый охранник/надзиратель, и Кадзуки оторвался от еды и посмотрел на Айзаву Шоту. Мужчина, по-видимому, был преподавателем в UA, и ему было поручено присматривать за ним в течение дня. По крайней мере, он был только одним из людей, на которых была возложена эта обязанность. Бледный мужчина с черными, растрепанными длинными волосами был единственным, кого он видел, что имело смысл, учитывая, что он, по-видимому, жил в квартире в том же здании.

Кадзуки также обнаружил, что этот человек был постоянно раздражен и устал.

— На самом деле нет, но кто-нибудь хочет? — ответил он, пожав плечами после минутного молчания. До сих пор он почти всегда ел в одиночестве, но не был уверен, что это лучше, чем присутствие Айзавы с ним. Как оказалось, он не собирался, чтобы над ним нависали надзиратели, но от него ожидалось, что он будет сообщать им о том, куда он ходит и тому подобное.

Кадзуки воздержался от жалоб. Он все равно мог делать практически все, что хотел, это было важной частью. Он привык к тому, что люди следят за каждым его шагом, так что он мог смириться с этими условиями без проблем.

К сожалению, он не мог сделать и близко столько, сколько ему хотелось бы. Он мог практиковаться со своей причудой. Проблема заключалась в том, что внутри квартиры он мог делать не так уж много, а делать это снаружи... Подразумевалось множество проблем, с которыми он не хотел иметь дело.

По крайней мере, его опекуны, казалось, были совершенно не против того, чтобы он ходил в близлежащий спортзал, чтобы он мог тренироваться физически. Он даже посещал несколько занятий по рукопашному бою, но с тем временем, которое у него было, он мало что мог сделать на этом фронте. И все же хоть что-то было лучше, чем ничего.

Итак, Кадзуки проводил большую часть своего времени просто за учебой, чего он никогда не думал, что будет делать. По крайней мере, не так много, как он, это точно. Дополнительным преимуществом было то, что он узнал, что все его охранники были преподавателями в UA, о чем он узнал, когда они предложили ему помощь во время несения караульной службы, и он сообщил им о своих планах. Он не воспользовался их предложениями, но, как он полагал, это все равно было оценено по достоинству.

— Знаешь, если дети так сильно тебя раздражают, возможно, преподавание не для тебя, — прокомментировал Кадзуки, указывая на мужчину палочкой для еды. — Честно говоря, это все, что я от тебя перенял, раздражение и усталость.

— Мне нравится преподавать, — возразил мужчина, на что Кадзуки приподнял бровь. Раздражение от этого только возросло. — Да, тебе действительно нравится твоя работа, чувак. Теперь я тебе верю, — саркастически подумал он. — Какое у тебя оправдание? — Тогда Айзава выстрелил в ответ, застав Кадзуки врасплох. — Ты не хочешь быть героем, и все же ты здесь.

— Ну, просто есть что-то такое в том, чтобы не сидеть в тюрьме, понимаешь? — ответил подросток с яркой улыбкой. — Это приятно, особенно когда, знаешь, тебя там вообще не должно быть.

— Значит, в этом вся причина? Чтобы выйти?

— Конечно, — солгал Кадзуки сквозь зубы. Он собирался стать героем, но не для этого учителя, не для Нэдзу, и уж точно не для Комиссии общественной безопасности героев. Он не стал бы героем даже для самого себя. Он просто хотел спасти людей. Если бы он мог помешать хотя бы одному ребенку стать таким же, как он сам, если бы он мог предотвратить хотя бы одну трагедию... тогда...

Для него этого было достаточно.

— Я тебе не верю, — сказал ему Айзава, прищулив глаза.

На это Кадзуки смог только усмехнуться.

— Тогда, возможно, ты не будешь таким плохим учителем, как я думал, — признался молодой человек.

— Я уже могу сказать, что ты будешь проблемным ребенком, — проворчал профессиональный герой. — Я действительно надеюсь, что ты не будешь в моем классе, — добавил мужчина, и Кадзуки засмеялся еще сильнее.

— На сколько ты хочешь поспорить, что я буду? — спросил подросток.

— Как личное правило, я избегаю принимать неудачные ставки.

<http://tl.rulate.ru/book/100860/3520395>